

Для Карлин и Тедди

1

Роуэн Фокс стояла у школьных ворот и оглядывала двор, куда в предвкушении начала летних каникул высыпали с шумом и толкотней ученики. Светлых волос Фабиана в толпе заметно не было. Роуэн с досадой зашагала в кондитерскую через дорогу и, позвякивая монетами, оставшимися от обеда, купила два шоколадных батончика. Когда она вышла, толпа уже почти растворилась, только несколько человек тоже заскочили в кондитерскую. Неподалеку зазвучала гитара.

Фабиан по-прежнему не появлялся. Может, почему-то не стал ждать и отправился на автобусную остановку? Засунув один шоколадный батончик в сумку, Роуэн уже пошла дальше, но тут увидела гитаристку.

Девушка сидела, скрестив ноги, на крыльце закрытого магазина через пару домов от кондитерской, прислонившись к двери и перебирая пальцами струны. Ее растрепанные светлые

волосы определенно нуждались в мытье. Рядом у свернутого грязного спального стоял потрепанный рюкзак.

Поравнявшись с ней, Роуэн остановилась у лежащего на тротуаре открытого гитарного футляра с несколькими жалкими монетами. Она вытащила из кармана оставшиеся пенни и добавила их к этой скудной кучке. Затем взглянула на шоколадный батончик, который так и держала в руке, тоже бросила в футляр и пошла дальше.

– Спасибо, – произнесла девушка.

Роуэн обернулась. Девушка перестала играть и смотрела на нее.

– Я уже начала думать, что я невидимка. Ты первая за весь день, кто дал мне что-то.

Роуэн перевела взгляд на монеты, лежавшие в футляре.

– Это мои, – сказала девушка. – Я просто положила их туда, чтобы... ну, неважно.

Роуэн подошла и поставила свою школьную сумку на землю.

– Ты положила в футляр монеты, чтобы создать впечатление, что тебя не игнорируют, – продолжила она.

– Верно. – Девушка рассмеялась и прислонила гитару к двери магазина. Потянувшись за шоколадкой, сорвала обертку, откусила большой кусок и закрыла глаза от удовольствия.

– Не самое удачное место, – вздохнула она, жуя батончик. – Не думаю, что останусь здесь.

— Да, наверное, не стоит. — Роуэн глядела с сочувствием. Трудно было определить возраст, вроде ненамного старше ее самой — лет шестнадцать, пожалуй. — Лучше бы где людей побольше. Пооживленной.

— Звучит так, будто у тебя есть опыт. — Девушка слизнула шоколад с пальцев и перевела взгляд на Роуэн.

— Так и есть, — пробормотала та. — Потому я и остановилась... — Она помолчала. — Я провела на улице больше года. Знаю, каково это.

— Правда? Что случилось с тобой?

— Родители погибли в автокатастрофе, а меня и младшего брата отправили в детский дом. Но мой брат... он пропал. И я сбежала, чтобы его искать.

— Нашла?

Роуэн заколебалась, прежде чем осторожно ответить:

— Нет, мне не удалось.

— А дальше что?

Роуэн пожала плечами:

— Мне повезло. Я встретила людей, которые... стали заботиться обо мне. Теперь я живу с ними.

— Да, повезло, — повторила девушка, с завистью рассматривая аккуратную школьную форму Роуэн. — Похоже, у тебя теперь все в порядке.

— А что ты вообще здесь делаешь? — спросила Роуэн. — Тики-Энд — неподходящее место, если не хочешь вызвать ненужный интерес. Пусть

люди тут и делают вид, что в упор тебя не замечают, но на самом деле ничего не упустят.

— Я уйду еще до вечера, — тихо ответила девушка. — Я не планировала оставаться надолго. — Она наклонилась вперед и еще понизила голос. — Только на то время, чтобы передать сообщение, когда найду нужного человека.

— Сообщение? Кому?

— Тебе, Рыжая.

У Роуэн перехватило дыхание.

— Что ты сказала?

— Рыжая. Так ты называла себя раньше, верно?

Роуэн сжала в руках сумку:

— Кто ты? Какое у тебя сообщение? От кого?

— От Ковена.

Роуэн сделала пару шагов:

— Оставьте меня в покое.

— Постой!

Роуэн обернулась:

— Кто послал тебя?

— Воробей. — Голос девушки звучал совсем тихо.

— Почему он не пришел с сообщением сам, если знает, где меня найти?

— Сказал, что его ты не послушаешь. Что у меня больше шансов... привлечь твоё внимание, заставить тебя слушать...

— Он был неправ.

— Просто выслушай меня. Это все, чего он хотел.

— А тебе-то какая выгода?

Девушка покраснела.

— Ну конечно. Ты ведь совсем не бездомная, правда? Ты одна из них.

Девушка кивнула:

— Он был уверен, что ты остановишься поговорить со мной, и не ошибся. Но мне все равно надо было убедиться... и вот, когда ты упомянула своего брата...

— Просто передай сообщение.

— Скоро встреча, тринадцатого числа.

— Я знаю, — ответила Роуэн. — Встреча всегда тринадцатого.

— Они хотят, чтобы ты была там на этот раз. Без всяких отговорок.

Роуэн кивнула, не глядя.

— Он сказал, тебе дадут знать о месте встречи, но для этого ты должна впустить их. Это и есть сообщение. — Девушка опустила взгляд на обертку от шоколадного батончика, оставшуюся в руке.

— А если я не приду?

Девушка уже открыла рот, чтобы ответить, но вдруг устремила глаза куда-то дальше. Роуэн повернулась. К ним приближался Фабиан. С недовольным лицом он остановился рядом, ослабляя галстук и бормоча что-то под нос.

— Где ты был? — спросила Роуэн.

— Наказали, — буркнул он.

— За что?

Фабиан пнул носком ботинка камешек:

- За драку.
- Драку? С кем?

Прежде чем Фабиан откликнулся, Роуэн заметила, что девушка собирает вещи. Встала, закинула ремень чехла с гитарой на одно плечо, перебросила спальный мешок и рюкзак через другое и тихо попрощалась:

- Увидимся, Рыжая.
- С мальчишками из моего класса, – рассеянно сказал Фабиан, хмуро глядя вслед девушке. – Кто это?
- Никто. Просто бродяжка. Я дала ей немного мелочи.

Фабиан нахмурился еще сильнее:

- Ты не знаешь ее?
- Нет.
- Ну, она-то тебя знает, – с подозрением проговорил Фабиан. – Назвала тебя Рыжей. Тебя больше никто не называет так, с тех пор как ты живешь с нами.

Роуэн смотрела, как девушка удаляется: ее фигура становилась все меньше и меньше, пока наконец не скрылась за углом одной из многочисленных кривых улочек Тики-Энда.

- Я говорила с ней раз или два раньше, когда сама бродяжничала, – солгала она, мысленно напоминая себе, что не стоит недооценивать наблюдательность Фабиана. – Давным-давно. Даже имени ее не помню – удивляюсь, что она запомнила мое.

— А, — Фабиан потер щеку. — Забавно, что она оказалась именно здесь.

— Совпадение. — Они наконец пошли, и Роуэн хотелось сменить тему. — Так из-за чего была драка? Наверное, ты одержал верх — ни царапин, ни синяков не видно.

— Все закончилось, не успев начаться. А началось по той же причине, что и всегда, — они говорили гнусности об Амосе. Сказали... сказали, что пойдут на церковное кладбище, чтобы осквернить его могилу. Один из них сказал, что напишет что-нибудь на надгробии. Я вышел из себя и двинул ему.

— Понятно, что ты вышел из себя, — сказала Роуэн. — Но они ничего не сделают, Фабиан. Если бы действительно собирались, ты был бы последним, кому бы они признались в этом. Они только говорят, чтобы причинить тебе боль.

— Ну, это сработало. Почему бы им уже просто не оставить его в покое? Даже теперь, когда он умер, не могут от него отвязаться!

Роуэн вздохнула:

— Надо игнорировать их. Чем чаще станешь попадаться на их крючок, тем сильнее они будут к тебе цепляться.

— Тебе легко говорить, — не успокаивался Фабиан. — Тебе не приходится мириться с шепотом за спиной, и никто не тычет пальцем в твою сторону. Как бы тебе понравилось, если бы все думали, что твой дед кого-то убил?

Роуэн замолчала, размышляя о мрачной истории поместья Элвесден, старого дома, где она теперь жила. Когда в молодости дед Фабиана Амос был смотрителем поместья, в лесу исчезла местная девушка по имени Морвенна Блум. К несчастью, Амоса последнего видели с ней — и его сочли причастным к исчезновению Морвенны. Эти слухи преследовали его всю жизнь и, похоже, не затихли даже сейчас, после его смерти, случившейся два месяца назад.

— Конечно бы не понравилось, — отозвалась наконец Роуэн. — Но я бы выдержала, зная, что это неправда. И ты знаешь это, Фабиан. И люди, которые тебе важны, знают, что Амос невиновен. Помни об этом. — Она сунула руку в сумку. — Вот. Я купила тебе батончик. Правда, шоколад уже немного размяк.

— Спасибо. — Фабиан слегка приободрился, взял батончик и жевал, пока они шли через городскую площадь к автобусной остановке.

— И, между прочим, я вполне понимаю, как ково это, когда шепчутся и показывают пальцем, — продолжила Роуэн. — Я ведь новенькая, не забыл? И всем известно, что я сейчас живу в поместье Элвесден. Так что большинство думает, что я тоже имею ко всему отношение, пусть и косвенно.

— Наверное, — пробормотал Фабиан сквозь шоколад. — И как ты реагируешь?

— Ничего не говорю. Просто представляю себе их лица, если бы они услышали правду. Что

Морвенна Блум добровольно ушла в царство фейри. Только представь, что бы они заявили.

— Решили бы, что мы еще более сумасшедшие, чем все считали раньше, — мрачно заключил Фабиан, запихивая в рот остатки тающего батончика, но у остановки лицо его уже прояснилось.

Они устроились на заднем сиденье, автобус тронулся с места, прогрохотал по улицам Тики-Энда и поехал дальше, по сельским дорогам Эссекса. Через пятнадцать минут Роуэн и Фабиан выбрались из автобуса и пошли мимо полей, местами все еще заболоченных после сильного половодья конца зимы — начала весны.

Вскоре они уже входили в огромные железные ворота, под пристальным взглядом двух свирепых каменных гаргулий, восседающих на столбах по обе стороны. Впереди, за посыпанным гравием двором, высился внушительный особняк, увитый плющом, — поместье Элвесден. Пока они шли по похрустывающему гравияу, Роуэн смотрела на дом.

— Никак не могу поверить, что действительно здесь живу.

— Ты говоришь это каждый раз, когда мы здесь идем, — заметил Фабиан.

— Потому что так я каждый раз и думаю.

Войдя в парадную дверь, Роуэн глубоко вдохнула. В коридоре было темно и пахло затхлостью — запах, который никогда не покидал эти стены полностью, как бы хорошо тут ни убирали.

Они миновали старинную лестницу, где на площадке стояли дедушкины часы, стрелки которых застыли на месте. Из недр часов Роуэн были слышны шум ссоры и возня их обитателей, с этажа выше доносился монотонный звук пылесоса.

На кухне их встретил пронзительный визг:

– Дерзкий выскочка! Отрубить ему голову!

Роуэн вздрогнула, а Фабиан свирепо зыркнул на источник вопля: серый попугай со сверкающими желтыми глазами сидел в высокой серебряной клетке.

– И вам доброго дня, Генерал Карвер, – съязвил Фабиан.

Птица злобно прищурилась, но тут же вздрогнула: открылась задняя дверь, и вошел отец Фабиана, Уорик.

– Ну что, всё? Каникулы? – Он закрыл дверь и стал наполнять чайник водой. Поставил кипятиться, снял свое длинное пальто и повесил на вешалку за дверь. Железный нож, прикрепленный к поясу, тихо стукнул о дерево.

Фабиан ухмыльнулся и кивнул:

– Никакой школы целых шесть недель!

– Только не начинайте препираться друг с другом, если скучно станет.

Фабиан фыркнул:

– Не станет. Ну а если вдруг все-таки станет – почему бы тебе не взять нас с собой в лес? Там уж точно никогда не соскучишься!

В ответ на это предложение Уорик приподнял бровь и уже собирался ответить, но остановился: в кухню вошла худощавая седая женщина лет шестидесяти пяти, а следом другая, чуть помоложе, плотно сбитая и с одышкой.

— Я говорю, Флоренс, — сопела полная, — у этой девушки проблемы вот тут. — Она постучала пальцем по голове. — Мне страшно подумать, в каком состоянии ее комната. Молодняку нельзя давать ключи от их дверей, это просто не... — Она прервалась, увидев Роуэн, и поскребла копну неухоженных каштановых волос.

— Вы знаете, почему я запираю свою дверь, — тихо произнесла Роуэн.

— Мы уже обсуждали это, Нелл, — холодно сказала Флоренс. Но взгляд ее серых глаз, когда она посмотрела на Роуэн, был добрым. — Пока в комнате порядок, Роуэн может запирать ее когда хочет.

— Все равно, — не уступала Нелл. — Я уже несколько недель не могу попасть туда и убрать. Там наверняка чертовский свинарник!

— Сколько еще раз мне повторять? — Роуэн не скрывала раздражения. — Комната чистая! И если бы вы все не перемещали, мне бы не пришлось запирать дверь! Неужели не понимаете? Все должно быть там, где есть... я не просто оставляю это именно так!

— Ну, если ты настаиваешь... — обиженно начала Нелл.

– Настаиваю, – отрезала Роуэн. – И если Флоренс не возражает, то я не понимаю, почему вы вмешиваетесь, – это ее дом.

Развернувшись, Роуэн вышла из кухни, где воцарилось молчание, и взбежала по лестнице. Никто не последовал за ней, даже Фабиан. Она была рада. Остановилась перед своей комнатой – ее дыхание срывалось на сердитое шипение, – достала из сумки старый ключ, вставила в замок, открыла дверь и, зайдя, бросила сумку в угол. Затем села за туалетный столик и уставилась в зеркало.

Отражение смотрело на нее в ответ: раскосые зеленые глаза на бледном заостренном лице, усеянном веснушками. Когда она только поселилась в поместье, волосы были длиной до подбородка. Теперь, пять месяцев спустя, густая волна доходила почти до плеч. Она потрогала темно-рыжую прядь.

Рыжая. Так тебя называли раньше, верно?

– Рыжая, – прошептала она сама себе, оглядывая комнату.

Она не соврала, сказав Нелл, что здесь чисто. Комната была в идеальном порядке, все на своем месте. Столько времени она провела на улице, ночуя где попало и не имея своего угла, что теперь к собственной теплой и безопасной комнате не могла еще относиться легко – как к должному.

Да. К безопасной.

Это была красивая комната. Стены выкрашены в малиновый цвет, от которого становилось тепло и уютно, а потертая мебель выглядела такой простой, привычной и удобной, что Роуэн казалось, будто она живет здесь много лет. На первый взгляд, если не считать прибранности, такой и должна быть спальня обычной пятнадцатилетней девочки.

Но Роуэн не была обычной пятнадцатилетней девочкой. Она встала из-за туалетного столика и провела тот же ритуальный осмотр, что и каждый раз, когда входила в комнату. Опустилась у двери на корточки и откинула ветхий ковер. По половицам от одной стороны двери до другой тянулась тонкая полоска белых зернистых крупинок.

Удовлетворенная, она вернула ковер на место и проверила подоконник. Вдоль карниза тоже была насыпана ровная белая полоса. Прижав к ней палец, Роуэн подняла руку и позволила крупинке упасть на язык. Жгучий вкус удостоверял, что это соль.

Затем она обследовала камин, где под отверстием дымохода висел венок из темно-зеленых листьев и сухих красновато-коричневых ягод, закрывающий еще один потенциальный вход в комнату.

Подошла к кровати и сунула пальцы под подушку. Холод ножа, лежащего там, успокоил ее, и она наконец позволила себе расслабиться.

Встреча с девушкой в Тики-Энде вывела ее из равновесия. Вернувшись к окну, она посмотрела в сторону Леса Висельника, который начинался за стенами сада. Но сейчас Роуэн не видела ни деревьев, ни ручья, протекавшего по опушке леса. Не видела она и маленькую церковь, стоящую вдалеке. Вместо этого перед ее мысленным взором возник холодный, сырой подвал каменного дома, железные кандалы на обожженных запястьях. В голове вертелись яростные слова: «Ты еще пожалеешь, девчонка... Я выберусь отсюда, разыщу тебя и заставлю за все заплатить...»

От внезапного стука в окно Роуэн вздрогнула. Стряхнув воспоминания, щурясь от солнца, она уставилась прямо перед собой. Снаружи, на карнизе, сидело и царапалось в стекло маленькое крылатое существо. Размером примерно с птицу, с первого взгляда даже можно спутать, к тому же одетое в перья и листья. Однако это была не птица, а крошечный человечек с резкими чертами лица. И в зубах зажато что-то квадратное, белое. Роуэн бесстрастно наблюдала за ним. Окно оставалось приоткрытым, чтобы комната проветривалась, и щель была вполне достаточная, чтобы существо могло протиснуться, но, даже если бы попыталось, она знала: ему не преодолеть соляной барьер. Соль отпугивала фейри, как и все остальные средства защиты, которыми она оснастила комнату.

Когда посланец перестал царапаться и, как всегда, явно собирался сдаться, Роуэн смилости-

вилась и убрала немного соли, разорвав барьер. Фейри удивленно моргнул, но быстро юркнул в окно и, разжав зубы, выронил то, что держал во рту, на пол.

— Давно пора! — проворчал он гнусавым голосом, затем взлетел и исчез, оставив Роуэн спешно поправлять соль и вновь сооружать из нее непрерывную заградительную линию.

Наклонившись, она подняла то, что уронил фейри. Это был простой конверт с одним единственным напечатанным вместо адреса словом: «РЫЖЕЙ». Имя, которое она так долго носила. Имя, о котором пыталась забыть.

Ей надоело притворяться. Надоело прятаться. Проведя ногтем по конверту, она вскрыла его.

Пришло время встретиться лицом к лицу со своим прошлым.

2

Таня приехала в поместье Элвседен через неделю. Когда вслед за Уориком она переступила порог, ее охватило волнение: она снова здесь, в старом доме бабушки.

— Оберон, не тяни, — велела Таня большому коричневому доберману, который рвался вперед. Стоило ей отцепить поводок от ошейника, как пес бросился вглубь дома, виляя хвостом и цокая когтями по полу.

— Я отнесу вещи в комнату позже, — сказал Уорик, оставив чемодан Тани у лестницы. — Мы как раз успели к обеду.

Они пошли на кухню. Там Танина бабушка и Нелл накладывали на тарелки толстые бутерброды, крутые яйца и салат, на других были разложены нарезанные фрукты. Лицо Флоренс расплылось в улыбке, и, поспешно вытерев руки о фартук, она обняла Таню, а затем отступила на шаг, чтобы взглянуть на нее:

— Только посмотрите! Уже загорелая, да еще и веснушки!

— Привет, дорогая. — Нелл сияла. — Как было в Девоне?

— Хорошо, — ответила Таня, отпихивая Оберона от подноса с бутербродами. — Мы вернулись вчера вечером. Мама говорила, надо хотя бы день еще отдохнуть, перед тем как ехать, но я хотела попасть сюда как можно скорее. Кажется, целая вечность прошла с тех пор, как я в последний раз тут была. Ну, то есть нормально была.

Наступило неловкое молчание. Последний раз Таня с матерью приезжали в поместье всего восемь недель назад, когда хоронили Амоса.

— Белиберда! — объявил Генерал Карвер из своей клетки, явно подражая голосу Нелл. Затем цокнул и принялся чистить перья.

— Садитесь, — сказала Флоренс, не обращая внимания на попугая. — Фабиан и Роуэн должны появиться с минуты на минуту.

— А где они? — Таня потянулась за тарелкой в тот самый миг, когда крышка чайной коробки начала приподниматься. Живущий там вздорный брауни прищурился, а затем протянул вперед свою тросточку. Подцепил ею кусок помидора и снова скрылся под чайными пакетиками.

— На дворе, помогают Роуз с животными. — Флоренс как будто не заметила выходку брауни, хотя Таня не сомневалась, что она наверняка все видела. Как и Таня, бабушка обладала вторым зрением. Из домашних только они и Роуэн

были способны видеть фейри, хотя об их существовании знали здесь и все остальные.

— Ты ведь еще не ходила к животным, верно? — продолжила Флоренс. — Роуз сотворила чудеса со старым двором — тебе надо пойти и посмотреть, как поешь. О, а вот, похоже, как раз и Роуэн с Фабианом.

— Она здесь! — послышался из коридора взволнованный возглас Фабиана. — Смотри, вот ее сумка!

С улыбкой — рот до ушей — он ворвался на кухню. За ним вошли Роуэн и женщина с такими же, как у Роуэн, темно-рыжими волосами. Они направились к раковине, а Фабиан пододвинул стул к Тане и уселся. К его рубашке прилипло светло-коричневое перо.

— Минутку, Фабиан, — вмешалась Флоренс. — Твои руки.

Фабиан выглядел озадаченным:

— А что с ними?

— Сам знаешь что. Ты все утро был по локоть в курином помете. Вымой их.

— Чертов вредитель! — согласился Генерал.

Нелл захихикала, взяла ломтик яблока, проткнула сквозь прутья клетки и негромко заворковала, когда попугай сцапал угощение своей чешуйчатой лапой и принялся клевать.

— Ладно. — Фабиан встал и подошел к раковине, кивнув на блюдо с крапчатыми крутыми яйцами на столе. — Съешь одно, Таня. Сам утром собирал!

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru